

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

© 2016 г. Н. Кондратьева

Автор выявляет либеральный характер основополагающих принципов построения Евразийского экономического союза, показывает сходство с моделью регулирования рынков, созданной Европейским союзом, предлагает рекомендации по совершенствованию экономической модели ЕАЭС, оценивает состав критики со стороны ЕС, формулирует свое видение препятствий и резонансов для взаимодействия двух союзов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Европейский союз, свобода передвижения, протекционизм, единый внутренний рынок, гармонизация, неофункционализм, интеграция интеграций.

Статья поступила в редакцию 19.11.2015.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-15-23

Современное общество потребления дало производителям возможность распространять хозяйственную деятельность далеко за пределы своих стран, а покупателям – выбирать из большого ассортимента отечественных и импортных товаров и услуг. Интеграционные группировки способствуют расширению межстрановой торговли. Вместе с тем они не отрицают протекционизм, но практикуют его так, чтобы не разрушать либеральную основу общественного развития. Власти сохраняют в своем распоряжении весь набор протекционистских барьеров, препятствующих перемещению товаров и труда через национальные границы: традиционные таможенные пошлины и квоты, технические ограничения, фискальные, законодательные и административные барьеры, а также системы господдержки, госзакупок и государственного монополизма в отдельных секторах экономики. В задачу интеграционных союзов входит продвижение интересов своей экономической модели и обоснование политики, противодействующей открытию стратегических секторов или снижению уровня безопасности потребления. В наступившей острой фазе глобальной конкуренции торгово-экономические

барьеры служат защите культурной самобытности, даже возрождению патриотических чувств. Отсюда – затянувшаяся пауза в строительстве Общего экономического пространства России и Европейского союза. Оправдан и тяжелый ход переговоров по трансатлантическому партнерству ЕС и США в сфере торговли и инвестиций: каждая из сторон в них нацелена на экспансию именно своих подходов. Взаимодействие происходит с сохранением доли недоверия, без изменения баланса в одну или другую сторону, без необходимости отказа от созданных моделей конкурентоспособности. В таком же осторожном духе будет вестись диалог между ЕС и строящимся Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Автор преследует цель через осмысление экономической модели ЕАЭС оценить перспективы интеграции на пространстве от “Лиссабона до Владивостока” (и от Мурманска до Еревана и Бишкека).

ЕАЭС ДВИЖЕТСЯ ПО СТОПАМ ЕС: НЕОБХОДИМЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Модель единого внутреннего рынка Европейского союза стала ориентиром для определения приоритетов евразийской экономической модели. За небольшой период времени Евразийский экономический союз усвоил множество институциональных и правовых элементов из европейской модели, достиг определенных результатов в деле объединения рынков государств-членов, учитывая свою специфику. Обе модели провозглашают свободу передвижения факторов и результатов экономической

КОНДРАТЬЕВА Наталия Борисовна, кандидат экономических наук, заведующая Центром экономической интеграции, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Института Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11-3В; доцент НИУ “Высшая школа экономики”, РФ, 101000 Москва, Мясницкая ул., 20 (nkondratieva@inbox.ru).

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-03-00095.

деятельности (товаров, услуг, капиталов и лиц) как отправной принцип, а также предусматривают регулирование этих передвижений.

ЕАЭС развивается и как геополитический проект. Его подразумеваемая цель – восстановление пространства лояльно настроенных друг к другу стран, консолидация усилий перед лицом новейших угроз, укрепление общей оборонной и энергетической безопасности, формирование многополярного мира. Политические цели он реализует, как и ЕС, решая хозяйственные задачи в интересах всех государств-членов. В частности, Россия рассчитывает на создание приемлемой правовой среды и совместимых стандартов на рынках Евразийского экономического союза; на сохранение лидерства на региональном рынке транспортных и космических услуг, энергетики, оборонной промышленности; на формирование новых торговых и инвестиционных потоков, производственно-сбытовых цепочек; на активизацию процессов концентрации и межфирменной кооперации.

С 2010 г. действует Таможенный союз (ТС) с единым внешним таможенным тарифом. Исходя из общего количества наименований товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС – 11 тыс. позиций, государства-члены проделали кропотливую работу по согласованию. При этом были обнаружены сотни чувствительных товаров, потребовавших временных мер регулирования. Россия, в частности, удерживала по ним более высокие тарифы в интересах адаптации растущих отраслей; Казахстан, напротив, сохранял пониженные тарифы, чтобы смягчить последствия зависимости от внешнего импорта. Для тройки основателей – России, Белоруссии и Казахстана – переходный период завершился в 2015 г., а для новичков – Армении и Киргизии – продлится до 2025 г.

Спустя всего год – в 2011 г. – были упразднены таможенные посты на внутренних границах. С одной стороны, это ускорило доставку грузов и сократило транспортные расходы, с другой стороны, снизило уровень безопасности потребления. Для сравнения сошлемся на практику Евросоюза, который счел необходимым сначала выработать политику в сфере нетарифного регулирования и довел до совершенства правовые и административные инструменты защиты потребителей от продукции ненадлежащего качества, а только потом открыл границы. Созданный в 1968 г. таможенный союз Европейского экономического сообщества (ЕЭС) до 1992 г. сохранял внутренние таможи, рассматривая их как самый простой способ не допускать опасный груз, осуществлять налоговый, транспортный, санитарный, ветеринарный и фитосанитарный контроль.

Началось обустройство внешних границ с целью сделать их непроницаемыми для нелегитимной продукции и нелегальных мигрантов. Расчет был и на то, чтобы снять обеспокоенность ЕС по поводу прозрачных южных рубежей ТС. В 2012–2014 гг. осуществлена программа создания единой автоматизированной информационной системы контроля транзита государств – членов ЕвразЭС, сопряженной с системой ЕС [1]. В 2015 г. основные усилия были направлены на киргизский участок границы.

С подписанием Договора о ЕАЭС в 2014 г. начался новый этап в формировании идеологии региональной торговли, логики конкуренции, практики передвижения факторов и результатов экономической деятельности. В базисе евразийской интеграции закреплены универсальные принципы либерализации рынков – создание новых торговых и миграционных потоков и предупреждение недобросовестной конкуренции. Кроме них приняты на вооружение социокультурные подходы Европейского союза: улучшение условий труда, защита здоровья людей, окружающей среды, общественной морали, культурных ценностей [2, р. 80]. Наконец, важная роль отведена регулятивным принципам, также успешно зарекомендовавшим себя на пространстве внутреннего рынка ЕС – таким как запрет дискриминации, гармонизация и взаимное признание стандартов и норм государств-членов [3, сс. 130-141].

Отталкиваясь от уроков Евросоюза, в Евразийском экономическом союзе рассчитывают, что применение принципа взаимного признания приведет к сокращению издержек, обусловленных приспособлением предпринимателей государств-членов к целевым рынкам в пределах группировки, откроет дополнительные возможности конкуренции, сохранит широкую палитру предлагаемых товаров и услуг. В свою очередь гармонизация (предусматривающая не выравнивание норм по среднему уровню, а подтягивание отстающих норм до уровня передовых) повлечет за собой повышение качества товаров и услуг, выводимых в продажу в странах ЕАЭС. Она обеспечит гарантированный доступ высококачественной продукции на рынки интеграционного пространства, снизит остроту конкуренции с товарами, произведенными в государствах-членах с низким уровнем нормативных требований, откроет новые возможности в тех экономических нишах, где востребовано качество. Запрет дискриминации упразднит количественные ограничения при обмене результатами экономической деятельности. Очевидно, что названные принципы, с точки зрения европейской практики, применимы в определенном сочетании наподобие пазла.

Принцип взаимного признания стал краеугольным камнем европейской интеграции. Следует

учесть, однако, что путь к примирению государств ЕС с этим принципом оказался нелегким. Декларируя либеральные условия торговли, допуск товаров соседей по Союзу на национальный рынок, власти пошли на риск сужения рынка для отечественных производств и сокращения налогооблагаемой базы, а кроме того, взяли на себя дополнительные издержки по контролю в местах потребления продукции. Государства ЕС сотни раз нарушали принцип взаимного признания стандартов и норм, правдами и неправдами защищая в судах национальный рынок от товаров из других стран-членов. В 2008 г. даже был принят специальный регламент о взаимном признании [4]. Но и ныне этот основополагающий принцип единого европейского рынка не безусловен, а применим лишь в сочетании с политикой гармонизации. Его “лицевая” сторона гарантирует компаниям государств-членов работу на всем пространстве единого рынка ЕС по своим национальным стандартам и предостерегает контрольные органы принимающих государств от действий, тормозящих внутрирегиональную торговлю. “Оборотная” же сторона защищает целевые рынки, призывая уважать их торговые правила.

Взаимное признание в ЕАЭС де факто действует на большинстве товарных рынков. Преобладает толерантное отношение к продукции, расчет на осознанный выбор потребителей и саморегулирование, заложенное в конкуренции. До недавнего времени ситуация была оправдана необходимостью снижения дефицитности рынков, насыщения их товарами разного ценового диапазона, учитывающего дифференциацию общества. Вместе с тем очевидно, что рынки плохо защищены от проникновения неучтенной и некачественной продукции. В дальнейшем без ужесточения контроля исполнения национальных норм и традиционных рецептур будет сложно сохранить позитивное отношение к продукции и услугам государств объединения.

Например, с 2016 г. начинает работу единый рынок лекарственных средств и медицинских изделий. Это значит, что Россия упраздняет разрешительный порядок продажи на своей территории товаров медицинского назначения, произведенных в странах-соседах по ЕАЭС. Понятно, что открыть столь чувствительный рынок можно только в контексте гармонизации и контроля исполнения стандартов.

Что касается политики гармонизации, то подход Евразийского экономического союза не отличается от европейского. Процесс был начат в 2005 г., когда ЕврАзЭС в своем первом наборе технических регламентов зафиксировал примат положений Соглашения ВТО по техническим барьерам и применению санитарных и фитосанитарных мер, а также использовал многие формулировки так называемых

директив нового подхода, определяющих политику гармонизации ЕС [5]. Обозначены цели гармонизации, позже закрепленные в Договоре о ЕАЭС: защита жизни и здоровья граждан, предупреждение действий, вводящих в заблуждение потребителей, энергоэффективность и ресурсосбережение. Содержание технических регламентов Евразийского экономического союза ограничено установлением требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, оценки соответствия, а также к терминологии, упаковке, маркировке и этикеткам. Продукция, удовлетворяющая техническому регламенту, беспрепятственно передвигается в пределах ЕАЭС. Технические регламенты определяют цели регулирования и необходимые действия для достижения этих целей. Действия же прописываются так, чтобы не тормозить технический прогресс. Иными словами, в технических регламентах формулируется политика гармонизации. Стандарты же разрабатывают Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации СНГ и национальные организации технической стандартизации. Применение этих стандартов (как и в ЕС, применение стандартов, разработанных европейскими органами по стандартизации) осуществляется на добровольной основе.

В 2010 г. Соглашением о единых принципах и правилах технического регулирования учрежден знак обращения *EAC – Eurasian Conformity* (по аналогии со знаком *CE – Conformité européenne*) – для присвоения продукции, удовлетворяющей техническим регламентам. К такой продукции относятся товары, сложные в изготовлении и опасные в потреблении, для которых есть особый резон в выработке политики гармонизации – лифты, игрушки и т. п. Установлен также порядок аккредитации органов сертификации и испытательных лабораторий; действует соглашение о взаимном признании сертификатов соответствия.

Количество технических регламентов Евразийского экономического союза на 1 января 2015 г. превысило три десятка. Примерно столько же нормативно-правовых актов, определяющих политику гармонизации для сложной продукции, разработано в Европейском союзе. В отличие от европейских аналогов, технические регламенты ЕАЭС лаконичны по содержанию. Но планка их требований, в целом, высока, как и в ЕС.

С одной стороны, творцы Евразийского экономического союза стремятся избежать крайностей, от которых страдает регулирование Евросоюза. Гармонизация по образцу ЕС обременит предпринимателей из стран ЕАЭС массой обязательств, усложнит положение уязвимых слоев общества. Жесткость

при проведении гармонизации и контроля исполнения норм возможна только при субсидировании целого ряда сфер (общественного питания, здравоохранения, образования). В противном случае, цена на многие товары и услуги будет недоступной для части населения. С другой стороны, большинство потребителей в Евразийском экономическом союзе заинтересованы именно в качественных товарах и услугах. Окончательный выбор ЕАЭС в пользу качества еще предстоит сделать.

Евразийский экономический союз развивается в русле неофункционалистской теории. Эта теория была положена в основу объединения рынков стран ЕС [6]. Интерес представляет идея неофункционалистов, согласно которой декларируемая свобода передвижения в пределах интеграционной группировки генерирует потребность в принятии решений по комплексу хозяйственных и политических вопросов в целях ликвидации скрытых форм протекционизма [7]. Если следовать этой методологической установке, то свобода передвижения, к примеру, рабочей силы в ЕАЭС должна предусматривать комплексный подход, предполагающий не только устранение визового барьера и паспортного контроля на внутренних границах, но и выработку общих правил допуска к трудовой деятельности и социальному обеспечению. Свобода передвижения капиталов невозможна без признания лицензий банков государств-членов на всем пространстве интеграции, гармонизации стандартов инвестиционной и страховой деятельности, учреждения единого платежного пространства, упраздняющего различия между внутренними и трансграничными платежами.

Базовые принципы передвижения граждан государств-членов по пространству ЕАЭС, как и в ЕС, сегодня весьма либеральны: отсутствуют визы, запрещены ограничения в целях защиты национального рынка труда. Однако нормы, конкретизирующие свободу передвижения людей, в двух объединениях сильно различаются. Мобильным гражданам Евроазиатского экономического союза, в отличие от мигрантов из других стран СНГ, для осуществления трудовой деятельности на этом пространстве не надо просить разрешения у государственных органов, валидировать диплом о высшем образовании или профессиональной квалификации, сдавать экзамен на знание языка и истории принимающей страны, оплачивать патент на индивидуальную трудовую деятельность. Препятствия создают пенсионная дискриминация и скромный социальный пакет, который устанавливает принимающее государство (в России – это полис ОМС и пособия в связи с беременностью и родами, место для ребенка в детском саду и школе). В Евросоюзе

же мобильные трудящиеся могут рассчитывать на европейский полис медицинского страхования и справедливое пенсионное обеспечение благодаря системе пенсионных взаиморасчетов. Однако действуют барьеры на пути признания квалификационных документов и жесткие требования к знанию языка принимающего государства. В общем итоге, подобно ЕС, для ЕАЭС характерна весьма низкая мобильность труда.

Опыт Европейского союза свидетельствует: свобода передвижения трудящихся не должна быть безусловной. Необходимо включить в повестку дня выработку порядка признания свидетельств о профессиональной квалификации. Пока он действует только для трех специальностей – врач, учитель, юрист. Однако жизнь диктует необходимость щепетильного отношения к качеству обучения таможенника, водителя (в том числе, грузоперевозчика), медсестры, фармацевта, архитектора, гида, промышленных и других специальностей. Специалисты должны проходить процедуру проверки своей квалификации на уровне компетентных органов, а не компаний, которым срочно понадобились кадры. Следует при этом учитывать, что большую часть мобильных трудящихся в Евразийском экономическом союзе составляют лица, получившие образование или профессиональную квалификацию после распада СССР или не получившие их вообще. А это значительно снижает гарантии безопасного предоставления услуг.

Целесообразно учесть результаты ведущейся в России деятельности по выработке профессиональных стандартов с целью внедрения аналогичной практики в ЕАЭС¹. Только так принцип взаимного признания профессиональных квалификаций не причинит вреда потребителям услуг.

Как и в случае с требованиями гармонизации, ЕАЭС не способен полностью перенять подходы Евросоюза в части свободы передвижения трудящихся. Декларировав запрет дискриминации в отношении оплаты труда и других условий занятости, как в ЕС, творцы ЕАЭС прикоснулись к весьма тонкой материи. Вряд ли на практике государства его соблюдают. Участие в профсоюзах и надлежащая охрана труда остаются категориями будущего. В Европейском союзе такой одинаковый подход

¹ Профессиональные стандарты с 2006 г. разрабатывает Национальное агентство развития квалификаций, затем их утверждает Национальный совет при Президенте РФ по профессиональным квалификациям. На сегодня утверждено более пятисот профессиональных стандартов. Целью этой работы является, с одной стороны, установление конкретных требований к знаниям, умениям, образованию и опыту работы, предъявляемых работникам той или иной профессии работодателями, а с другой стороны – содействие формированию надлежащих государственных образовательных стандартов.

оборачивается тем, что движение товаров и капиталов преобладает над движением рабочей силы: француз не едет в Португалию, так как знает, что там ему будут платить меньше, чем дома; немецкая фирма не приглашает к себе на работу поляков, так как обязана обеспечить им столь же высокую зарплату и охрану труда, что и местным рабочим. И все же, уравнивая трудящихся в плане оплаты труда по образцу ЕС, ЕАЭС поступает интуитивно верно. Примат положения о недискриминации над положением о взаимном признании не создает для местной рабочей силы риск потери занятости, при этом формирует мотив для трудящихся из стран победнее к поиску работы в благополучных странах Союза.

Насущным представляется закрепление общей позиции относительно языковых знаний мобильных работников. Необходимо очертить круг профессий, где эти требования были бы уместны. Параллельно целесообразно совершенствовать меры по продвижению русского языка как “языка межнационального общения”, основы общих ценностей. Задачей на будущее является выработка единых подходов к образованию.

Европейская практика помогла ЕАЭС достигнуть понимания того, что совокупность несогласованных экономических политик государств-членов порождает внутренние торговые войны. С созданием в 1968 г. в ЕЭС таможенного союза довольно быстро дали о себе знать протекционистские барьеры нетарифной природы. Увеличение взаимного товарооборота оказалось возможным только при опоре на общие отраслевые политики, общий режим государственной поддержки и государственных закупок, общее регулирование деятельности естественных монополий в сферах транспорта, энергетики и связи.

Показателен в этом смысле молочный конфликт России и Белоруссии, случившийся в 2009 г. Напомним: Россия обвинила Белоруссию в демпинге, субсидировании и поставках молочной продукции ненадлежащего качества, представляющей собой смесь живого и сухого молока. Ясно, что подобные конфликты станут невозможными в процессе выработки конкурентной политики всего ЕАЭС. Вероятно, придется запретить и призыв “Покупай у отечественного производителя”, поскольку такая формулировка способна вызвать недовольство соседей по ЕАЭС. В связи с этим заметим, что еще в 1982 г. Суд ЕС оценил подобные лозунги как замаскированное препятствие или количественное ограничение торговли и призвал к их отмене.

В итоге, механизм осуществления внешнеторговой политики ЕАЭС, а также порядок функционирования его внутреннего рынка, обеспечивающий

свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов, схожи с практикой ЕС, либо стремятся к этому сходству.

ФАКТОР ЕАЭС В ОТНОШЕНИЯХ РФ–ЕС И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНТЕГРАЦИЙ

Полноценная работа Евразийского экономического союза предполагает его международное признание. Еще на стадии формирования нормативно-правовой базы Таможенного союза был поставлен вопрос о передаче институтам ТС полномочий по ведению переговоров с Евросоюзом о таможенно-тарифной политике. В обстановке тогдашней благоприятной конъюнктуры, возникновению которой способствовали вступление России в ВТО и начало переговоров по Новому базовому соглашению РФ и ЕС, стороны выразили было готовность работать над созданием пространства интеграции от Лиссабона до Владивостока, включая реалии Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана.

Вместе с тем ЕС не отказался от ставки на двустороннее партнерство с бывшими советскими республиками – Грузией, Арменией, Азербайджаном, Украиной и Молдавией. Инструментом достижения цели стало форсирование индивидуального диалога с каждой из этих стран в рамках программы “Восточное партнерство”, отрицание легитимности институтов ТС, деформированная оценка его сущности с использованием терминов эпохи монополистического капитализма и империализма.

В свою очередь РФ задалась целью привлечь названные страны в Таможенный союз, всячески способствуя созданию системы регулирования на традиционно подконтрольных ей рынках, де-факто являющейся инструментом протекционизма по отношению к Европейскому союзу. Эта система была позиционирована Россией как инструмент продвижения внутренних реформ и коллективный ответ на диктуемые Западом требования либерализации. Следствием же сложившейся ситуации стала остановка переговоров по Новому базовому соглашению и развитие евразийской интеграции в ущерб отношениям РФ–ЕС.

В чем Евросоюз видел суть проблемы? Его аргументация была далеко не бесспорной. Там явно не поспевали с оценкой событий на пространстве ЕАЭС. Европейские эксперты были заиклены на том, что они считали непреодолимыми недостатками евразийской интеграции – ее асимметрии и малом объеме внутрорегиональной торговли. Они как бы забывали, что сам ЕС стартовал с низкого уровня регионализации торговли, а сегодня развивается в условиях существенных социально-эконо-

мических диспропорций (доля стран Центральной и Восточной Европы в совокупном ВВП Евросоюза ниже 10%). В ЕС предпочитали игнорировать и такой весьма важный факт, что основным идеологом сплочения стран бывшего СССР выступал президент Казахстана Н. Назарбаев, а это делало беспочвенными спекулятивные обвинения России в новом империализме.

В Евросоюзе критиковали ЕАЭС за отсутствие отправной идеи (таковой в ЕС считается устойчивое примирение столетиями воевавших друг с другом европейских народов). Между тем такая идея у Евразийского экономического союза есть. И она не менее мощна, чем у Европейского союза. Это идея общего исторического прошлого, общей генетики и переплетения судеб народов, населявших СССР, и, главное, – сохранения достижений в освоении и развитии обширных пространств Евразии.

Официальный Брюссель использовал в своей риторике миф о неминуемом снижении интенсивности евразийского интеграционного процесса, который, в отличие от ЕС, якобы насаждается сверху. Но стоило ли жестко критиковать ЕАЭС за главенствующую роль межправительственных и подчиненную, исполнительную роль наднациональных институтов, если в самом Евросоюзе ключевые решения принимаются именно на межправительственном уровне?

ЕС игнорировал интеграционные связи в регионе, в том числе, инвестиции российских компаний в энергетику, металлургию, тяжелое, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, пищевую промышленность и услуги связи своих соседей. Тем самым, кстати, удалось поддержать на плаву экономику постсоветского пространства. В противовес этому Европейский союз, выстраивая отношения с каждой страной СНГ по отдельности (так же были построены его отношения со странами СЭВ), рвал Содружество на части. Был ли в этом злой умысел? Вероятно, нет. ЕС был просто заинтересован в том, чтобы прорваться на те рынки, которые открыли такую возможность, а пакетные договоренности тормозили бы этот процесс.

Озабоченность европейских экспертов вызвал возникший эффект отвлечения государств Таможенного союза от торговли с внешним миром в пользу торговли друг с другом [8, pp. 22-28]. Европарламент тоже констатировал рост барьеров в торговле после создания ТС и обусловленную этим угрозу неисполнения обязательств, взятых Россией в ходе вступления в ВТО [9]. Правда состояла лишь в том, что в торговле со странами, образовавшими Таможенный союз, появились зеркальные барьеры. Очевидно и то, что ТС на первых порах намерен был оградить себя от экспансии ширпотреба из

Китая, а не от элитарных товаров и новаторских технологий из ЕС. Картина стала меняться с установлением взаимных санкций вслед за европеизацией Украины. Однако не ЕАЭС виновен в снижении привлекательности европейских товаров на его рынках, а снижение покупательной способности, произошедшее вслед за падением мировых цен на нефть, падением рубля и тенге по отношению к доллару и евро. Следует ожидать также снижения стоимостных показателей энергетического экспорта в Евросоюз.

Проявляя обеспокоенность перспективой сужения межрегиональной торговли, ЕС в то же время предпочитал не упоминать о выгодах, которые приобрели европейские ТНК от евразийской интеграции. Основав производства на интеграционном пространстве (главным образом, в России), они получили доступ к широкому рынку без необходимости преодоления барьеров на его внешних границах.

Много шума наделал утилизационный сбор с поставляемых в Россию и другие страны Таможенного союза автомобилей, действующий с сентября 2012 г. Рынок ТС превращался в лакомый кусок для внешних производителей. Спрос на российские марки существенно упал [10]. Однако утилизационный сбор был направлен не на их спасение, а на создание благоприятной среды для деятельности ТНК. Поэтому стоит лишь удивляться его односторонней характеристике со стороны Еврокомиссии, которая, не оценив льготу для европейских компаний, а также экологическую мотивацию сбора, стала инициатором иска в адрес России. В результате сбор стал единым для всех, тем более что он успел создать достаточный импульс для импортозамещения.

В качестве варианта построения отношений с Таможенным союзом Брюссель предлагал вступление всех его членов во Всемирную торговую организацию. Но ЕС явно лукавил, ведь нормативно-правовая база ТС прошла проверку членами ВТО (данное обстоятельство подтверждено в соответствующей статье Доклада России о вступлении в эту организацию).

В июле 2015 г. Казахстан был принят в ВТО; осенью Евросоюз объявил о послаблении санкций в отношении президента Белоруссии А. Лукашенко; на уровне экспертов многократно выдвигалась тема интеграции интеграций (кстати, автором емкого термина следует считать Лукашенко, который сказал: “Мы предлагаем интеграцию интеграций” [11]). В ЕС тему поддержали Фонд им. Ф. Эберта, Фонд им. Р. Люксембург, Фонд им. К. Аденауэра. И в России диалог с Европейским союзом не трак-

товали как напрасный, осознавая его мобилизующий потенциал.

Так что же объясняет разобщение на обширном пространстве со схожими инструментами регулирования? Почему обсуждения не приводят к конструктивным результатам, а цель интеграции интеграций при подходе к ней отдалается подобно горизонту [12]? Парадокса тут нет. Объяснение содержится в особенностях исторического и экономического развития на западе и востоке Евразии, консервирующих ценностный и идеологический разрыв. Очевидно, что диалог вряд ли может продвигаться легко в вопросах, требующих изменения сложившихся моделей развития. На современном этапе логично предлагать сотрудничество в тех сферах, где нормативная сила ЕС невелика [13] и функционеры не скованы обязательствами, диктуемыми европейским правом.

Оценивая экономическую модель Евразийского экономического союза, мы отметили множество сходств с моделью ЕС. Тем не менее отождествлять их неверно. Модель ЕАЭС следовало бы назвать гибридной, поскольку в ее основе, помимо растущего потенциала наднационального регулирования (по образцу Евросоюза), присутствует саморегулирование в виде неконтролируемой свободы экономических акторов с целью приумножения торговых потоков (от азиатской модели) и сохранена сила государственного регулирования (из недавнего прошлого). Существенно то, что в модели ЕАЭС государство сохранило за собой роль основного инвестора экономики, защитника интересов крупного бизнеса и привилегированного положения естественных монополий и государственных компаний. Подобные формы господдержки, нарушающие нормальное течение конкуренции, в европейской модели сведены к минимуму. Именно к ним в случае начала диалога будет обращена критика со стороны ЕС.

На примере энергодиалога видно, как опасения Евросоюза относительно всевластия российской энергетической монополии, подконтрольной государству, мешали взаимодействию с РФ. Эти опасения были оправданы уроками собственного периода государственно-монополистического капитализма в Европе, завершившегося двумя мировыми войнами. Они не порождали у европейских руководителей готовности “поверить” в “Газпром”. ЕС трудно было принять то, что ставший стержнем российской экономики “Газпром” в случае распрстранения своего влияния на европейский рынок навсегда ограничится единственной целью получения прибыли. Заверения в надежности поставок по разумной цене, подкрепленные долгосрочными

контрактами, не стали для Европейского союза убедительными и достаточными аргументами.

Политика, коротко называемая импортозамещением, тоже будет подвергнута критике. Согласно официальной позиции, эта политика направлена на рационализацию международного разделения труда, увеличение в товарах, продаваемых на территории Евразийского экономического союза, доли внутреннего сырья, перенесение производственных процессов ближе к потребителю с целью уменьшения транспортных расходов, сохранение в торговле с внешним миром только того, что в ЕАЭС не в состоянии производить самостоятельно. Объективно такой рационализации должны содействовать власти, опирающиеся на достижения науки о природопользовании и территориальной организации хозяйства. Однако в неолиберальной идеологии, занявшей господствующие позиции в ЕС, рационализация происходит эволюционно в процессе конкуренции на открытых рынках при ограниченном участии государств или наднациональных органов, а не с помощью таких сомнительных методов, как непрозрачные госзаказы, неудобные для внешних компаний, или же эмбарго на поставки продовольствия.

Евразийский экономический союз, представляющий собой союз стран догоняющего типа развития, в оправдание роли государства как актора и регулятора использует риторику левых политических течений, ратующих за социальную справедливость, трактующих нынешние нормы рыночной конкуренции как лукавые, прописанные под развитие страны. И действительно, частные компании стран ЕАЭС, как правило не обладающие сильными финансовыми мускулами, без государственных ресурсов рискуют остаться аутсайдерами в мировом разделении труда; тем более рискованно возлагать на них всю ответственность за общественное благополучие [14]. Однако власти не убедительны в своих усилиях контролировать все сферы хозяйственной и общественной жизни: структуры контроля созданы, стратегии развития написаны, но исполнение норм и стратегий отсутствует; государство так и не стало гарантом защиты гражданских прав; неэффективный чиновничий аппарат сел иждивенцем на шею бизнеса и граждан. Наличие мощной государственной опоры вынуждает ЕС оценивать евразийскую экономическую модель через призму глобальных угроз или угроз гражданскому обществу.

С целью укрепления этой модели власти России обратили внимание на Китай. 8 мая 2015 г. в Москве руководители двух стран подписали совместное заявление о старте переговоров по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Великого шелкового пути. Важно то, что Россию интересуют в этом сопряжении именно проекты с вы-

соким государственным участием: энергетические и транспортные, нацеленные на повышение эффективности российской инфраструктуры, наполнение ее грузами и развитие транзитного потенциала.

Но у Евразийского экономического союза нет готовности к развитию людских коридоров с Востоком. А диалог с ЕС по вопросам перемещения людей, товаров и капиталов ему необходим. Этот диалог, безусловно, полезен потребителям в ЕАЭС, которым важен доступ к качественным товарам и услугам.

Названные реалии делают интеграцию ЕС–ЕАЭС ограниченно возможной, но вместе с тем желаемой перспективой.

* * *

Исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Евразийская интеграция строится по канонам жанра, заложенным ЕС. В подходах ЕАЭС выражена либеральная основа, а инструменты защиты рынка нацелены на безопасное использование факторов и результатов экономической деятельности. Единый внешний тариф, “четыре свободы” (товаров, лиц, услуг и капиталов) внутреннего рынка и принципы его организации (запрет дискриминации, гармонизация, взаимное признание норм), а также марка соответствия, общие отраслевые политики

и нефункционалистская логика управления – эти элементы регулирования присутствуют в обеих моделях.

2. России следует рассматривать взаимодействие с ЕС позитивно, поскольку результатом стало освоение метода регулирования традиционно подконтрольного рынка, качественный рост и укрепление глобальных позиций страны. Подобно ЕС, трактующему единство внутренних рынков как лучший свой актив [15], страны ЕАЭС обрели аналогичный ресурс развития.

3. Следует учитывать косвенное содействие Европейского союза евразийской интеграции посредством экспансии подходов к регулированию рыночных отношений и выдвигаемой критики. Часть замечаний носит временный и политизированный характер. Евразийский экономический союз не является кривым зеркалом европейской интеграции. В нем заложены самостоятельная идея, инструменты и движущие силы.

4. Возможность для взаимодействия ЕС и ЕАЭС вытекает из сближения систем регулирования. Вместе с тем высокая степень государственного участия в экономике ЕАЭС (отличающая евразийскую модель от европейской), ставшая раздражителем в отношениях, вероятно и далее будет ограничивать интеграцию интеграций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мансуров Т. Как рождается новая Евразия. *Российская газета*, № 5950 (277), 30.11.2012. [Mansurov T. Kak rozhdaetsya novaya Evraziya [The Way New Eurasia Is Being Born]. *Rossiyskaya gazeta*, no. 5950 (277), 30.11.2012.] Available at: <http://www.rg.ru/2012/11/30/evraziya.html> (accessed 18.11.2015).
2. De Witte B. Non-Market Values in Internal Market Legislations. *Regulating the Internal Market*. Shuibhne N., ed. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2006, pp. 61-86.
3. Кондратьева Н.Б. Единый внутренний рынок: итоги второго десятилетия. *Европейский союз в XXI веке: время испытаний*. Потемкина О.Ю., отв. ред. Кавешников Н.Ю., Кондратьева Н.Б., ред. Москва, Весь мир, 2012, сс. 125-154. [Kondratieva N.B. Edinyi vnutrennii rynek: itogi vtorogo desyatiletiya [Single Internal Market: Results of Second Decade]. *Evropeiskii soyuz v XXI veke: vremya ispytaniy* [The European Union in the 21st Century: Time of Trial]. Potemkina O.U., Kaveshnikov N.U., Kondratieva N.B., eds. Moscow, Ves' mir, 2012, pp. 125-154.]
4. Munoz R. Le principe de reconnaissance mutuelle et le règlement 764/2008. *Chronique d'une future revolution? Revue du Droit de l'Union Européenne*, 2009, no. 3, pp. 513-546.
5. *New Approach Standardization in the Internal Market*. Available at: <http://www.newapproach.org/Directives> (accessed 18.11.2015).
6. Кондратьева Н.Б. Единый рынок ЕС: теория и практика. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 3, сс. 74-87. [Kondrat'eva N.B. Edinyi rynek ES: teoriya i praktika [EU Single Market: Theory and Practice]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 3, pp. 74-87.]
7. Haas E.B. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957*. Stanford, Stanford University Press, 1958. 552 p.
8. Blockmans S., Kostanyan H., Vorobiov I. *Towards a Eurasian Economic Union: The Challenge of Integration and Unity*. CEPS Special Report no. 75. December 2012. 37 p. Available at: <https://www.ceps.eu/system/files/CEPS%20Special%20Report%20No%2075%20-%20Towards%20a%20Eurasian%20Economic%20Union.pdf> (accessed 20.11.2015).
9. *European Parliament Resolution on EU-Russia Trade Relations Following Russia's Accession to the WTO*. 26.10.2012. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=B7-2012-461&language=EN> (accessed 18.11.2015).

10. *Автомобильный рынок России и СНГ. Обзор отрасли. Март 2013 года.* [Automotive Market in Russia. Overview. March 2013. Ernst & Young. (In Russ.)] Available at: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Automotive-survey-2013-RUS/\\$FILE/Automotive-survey-2013-RUS.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Automotive-survey-2013-RUS/$FILE/Automotive-survey-2013-RUS.pdf) (accessed 18.11.2015).
11. Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции. *Известия*, 17.10.2011. [Lukashenko A.G. O sud'bach nashei integratsii [About the Fate of Our Integration]. *Izvestiya*, 17.10.2011.] Available at: <http://izvestia.ru/news/504081> (accessed 18.11.2015).
12. ЕАЭС–ЕС: интеграция интеграций на горизонте. *Современная Европа*, 2015, № 4, сс. 147-149. [EAEU–EU: Integration of Integrations on the Horizon (In Russ.)] *Contemporary Europe*, 2015, no. 4, pp. 147-149.]
13. Кавешников Н.Ю. Методы управления в Европейском союзе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 8, сс. 49-60. [Kaveshnikov N.U. Metody upravleniya v Evropejskom soyuze [Methods of Governance in the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 8, pp. 49-60.]
14. Примаков Е.М. Образы России и мира вне идеологии. *Лику силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики.* Караганов С.А., Бордачев Т.В., отв. ред. Москва, Международные отношения, 2013, сс. 203-210. [Primakov E.M. Obrazy Rossii i mira vne ideologii [Images of Russia and the World beyond Ideology]. *Liki sily. Intellektual'naya elita Rossii i mira o glavnom voprose mirovoi politiki* [Faces of Power. The Intellectual Elite of Russia and the World Talks about the Main Issues of World Politics]. Karaganov S.A., Bordachev T.V., eds. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2013, pp. 203-210.]
15. Juncker J.-C. *A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change. Political Guidelines for the next European Commission.* Opening Statement in the European Parliament Plenary Session. Strasbourg, 15.07.2014. Available at: http://ec.europa.eu/priorities/docs/pg_en.pdf (accessed 18.11.2015).

EURASIAN ECONOMIC UNION: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

(World Economy and International Relations, 2016, vol.60, no. 6, pp. 15-23)

Received 19.11.2015.

Nataliya B. KONDRAT'EVA (nkondratieva@inbox.ru),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3B, Mokhovaya Str., Moscow, 125993, Russian Federation;

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the Russian Humanitarian Scientific Foundation Project No. 15-03-00095.

The article aims to conceptualize the economic model of the Eurasian Economic Union (EAEU), to find similarities with the European Union single market model, to identify critical remarks on the part of the EU, to estimate the perspectives of integration in a wide space from Lisbon to Vladivostok, Astana and Bishkek. The author comes to the following conclusions. 1) The EAEU complies with canons formed by the EU and is being built with due regard to the European integration experience. The common external tariff, the “four freedoms” of the internal market and principles of its organization – the prohibition of discrimination, harmonization, mutual recognition of standards, conformity mark, common sectoral policies, logic of neofunctionalism – all these regulation elements are present in both models. 2) Russia considers cooperation with the EU as positive, because it has gained regulation methods for the traditionally controlled market and strengthened its global position due to this cooperation. 3) The EU makes a significant indirect impact on the Eurasian integration through criticism and expansion of peculiar approaches. Part of the criticism is of temporary or politicized character. 4) The EAEU has a strong starting idea – common history, common genetics and the need to preserve achievements in exploration and development of the vast Eurasian space. 5) An opportunity for interaction between the EU and the EAEU derives from the convergence of regulatory systems. However, high degree of state participation in economies of the EAEU countries, which distinguishes the Eurasian model from the European one and has become an irritant in the EU–EAEU relations, will continue to hinder “the integration of integrations”.

Keywords: Eurasian Economic Union, European Union, freedom of movement, protectionism, single internal market, harmonization, neofunctionalism, integration of integrations.

About author:

Nataliya B. KONDRAT'EVA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Center for Economic Integration, Leading Researcher, Academic Secretary; Associate Professor at Faculty of World Economy and International Affairs.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-15-23